Н.

Автор:
Стивен Кинг

Н.

Стивен Кинг

«Дорогой Чарли!

Называть тебя вот так, по имени, одновременно и странно, и правильно. Когда мы виделись в последний раз, мне было почти вполовину меньше лет… Жутко влюбленной в тебя тогда девчонке было шестнадцать. Знал ли ты о моих чувствах? Ну конечно, знал. Сейчас я замужем, у меня растет малыш, мальчик; я счастлива. Не пропускаю ни одной твоей передачи о здоровье на Си-эн-эн. Ты все такой же красавчик (ну, почти), что и в дни былой юности, когда мы втроем ходили на рыбалку или в кино, во фрипортский „Рейлроуд“…»

Стивен Кинг

Н.

1. Письмо

[1 - N. // © Перевод. С. Лобанов, 2010]

28 мая 2008

Дорогой Чарли!

Называть тебя вот так, по имени, одновременно и странно, и правильно. Когда мы виделись в последний раз, мне было почти вполовину меньше лет… Жутко влюбленной в тебя тогда девчонке было шестнадцать. Знал ли ты о моих чувствах? Ну конечно, знал. Сейчас я замужем, у меня растет малыш, мальчик; я счастлива. Не пропускаю ни одной твоей передачи о здоровье на Си-эн-эн. Ты все такой же красавчик (ну, почти), что и в дни былой юности, когда мы втроем ходили на рыбалку или в кино, во фрипортский «Рейлроуд».

Ах, где они, те летние денечки? Ты да Джонни, неразлучные друзья, и я таскаюсь за вами хвостиком, если не гонят. Надоедала вам, наверное, жутко. Вот ты прислал соболезнования, и мне все это вспомнилось. Как же я рыдала! Не только по Джонни; скорее по всем нам троим. И по тем дням, когда жизнь была легка и незамысловата. И перед нами лежал весь мир.

Ты, конечно, натолкнулся на его некролог. «Смерть в результате несчастного случая…» Какие темные грехи прячутся порой под этим канцеляризмом! В новостях сказали, что Джонни упал. Да, упал, причем в прекрасно известном нам месте; как раз под Рождество Джонни спрашивал о нем. Несчастный случай? Нет. У него в крови обнаружилось немало успокоительного. Доза далеко не смертельная, правда, как сказал коронер, вполне достаточная, чтобы нарушить координацию движений, особенно если человек перегнется через перила. А затем – «несчастный случай».

Но я-то знаю: это было самоубийство.

Записки не нашли ни дома, ни на трупе. Думаю, он просто не хотел нас травмировать. Ты ведь и сам врач, ты знаешь, что уровень самоубийств среди психиатров чрезвычайно высок. Не оставляет мысль, что горести и жалобы пациентов, словно кислота, разъедают какую-то душевную, психическую защиту врача. В большинстве случаев этой защиты вполне хватает, чтобы не свихнуться. Хватило ли ее Джонни? Полагаю, нет. И виной всему один необычный пациент.

Последние два или даже три месяца своей жизни брат почти не спал. Какие жуткие черные круги проступили под глазами! От практики он полностью отказался, куда-то надолго уезжал. Никогда не рассказывал куда, я только догадываюсь. Об этом ты узнаешь из документов в конверте. Взгляни на них, когда дочитаешь письмо. Знаю, ты очень занятой человек; просто (если только это поможет!) представь, что оно – от влюбленной девчонки, которой я когда-то

была. Девчонки с туго затянутым на затылке и все-таки вечно растрепанным «хвостиком»; везде покорно плетущейся за тобой девчонки.

Джонни работал без партнеров, хотя и поддерживал отношения еще с двумя «мозгоправами» в последние четыре года своей жизни. Папки с карточками и историей болезни текущих пациентов после его смерти достались одному из них. Я имею в виду папки из его приемной, на работе. Убирая в кабинете дома, я натолкнулась на небольшую рукопись, которую и прилагаю. Там запись истории болезни пациента, чье имя обозначено лишь буквой «Н». Я видела, как Джонни вел рабочие записи, причем видела неоднократно (нет, я не сую нос в чужие дела, просто папка лежала на столе), так что могу сказать уверенно – эта папка отличается от остальных. Во-первых, Джонни вел записи об Н. не на работе: на папке даже нет названия, а внизу обложки отсутствует красная наклейка «конфиденциально». К тому же на всех страницах едва заметная полоска тонера – такая остается только от его домашнего принтера. Есть еще кое-что; ты увидишь, развернув бандероль. Большие печатные буквы поставлены его размашистым почерком: «ЭТО СЖЕЧЬ». Я чуть было так и не поступила, подумала (прости, Господи!), что он припрятал там наркотики или какую-нибудь извращенную порнографию из Интернета. Но в конце концов во мне взыграла дочь Пандоры.

Будь она проклята.

Чарли, я уверена: мой брат собирался написать книгу. Что-нибудь интересное и не заумное, в духе Оливера Сакса. Судя по рукописи, он сначала интересовался навязчивым неврозом. Добавив в общую картину его самоубийство (если, конечно, это самоубийство), видишь, что интерес объясняется старым изречением: «Врачу, исцелися сам!»

Пишу тебе потому, что рассказ Н. и бессвязные записи брата беспокоят меня. Сильно ли беспокоят? Достаточно, чтобы переслать эту рукопись (кстати, экземпляр единственный, я ничего не копировала) тебе, другу, с которым Джонни не виделся десять лет, а я – целых четырнадцать. Поначалу хотелось опубликовать рукопись. Книга могла бы стать памятником брату.

Теперь я так не считаю. Понимаешь, сейчас я чувствую, что рукопись ожила, хотя такая «жизнь» страшнее смерти. Там, к слову, упоминаются известные мне места (да и ты их тоже знаешь; поле, о котором говорит Н., по словам Джонни, находится где-то поблизости от нашей школы). Взявшись за чтение, я все

больше и больше хочу найти это место. Не потому, что игнорирую предупреждения в рукописи, нет. Скорее я уже не могу ей сопротивляться. И если это не навязчивая идея, то что тогда навязчивая идея?!

Боюсь, ничего хорошего эти поиски не принесут.

Никак не могу отделаться от мыслей о смерти Джонни, и не только потому, что он был моим братом. Теперь и мысли о рукописи не оставляют. Знаешь, прочитай ее. Прочитай и скажи, что ты о ней думаешь. Спасибо, Чарли. Надеюсь, я не слишком сильно помешала. Если все же надумаешь исполнить просьбу Джонни и сжечь ее, я и слова не скажу против.

С любовью,

«Младшая сестренка» Джонни Бонсана,

Шейла Бонсан Леклер

Лисбон-стрит 964

Льюистаун, Мейн, 04240

P.S. Ах, как жутко я была в тебя влюблена!..

2. История болезни

1 июня 2007 года

Н. сорок восемь лет, он совладелец крупной бухгалтерской фирмы в Портленде, разведен, отец двух дочерей. Одна учится в аспирантуре в Калифорнии, другая – студентка-первокурсница здесь, в Мейне. Отношения с бывшей женой описывает как «отдаленно-дружелюбные».

О себе говорит так:

– Я знаю, что выгляжу старше сорока восьми. Это все оттого, что не могу заснуть. Я уже и амбиен пробовал, и эти, как их… с зеленым мотыльком на коробке. Меня от них лишь шатает как пьяного.

Спрашиваю, долго ли он мучается бессонницей. Отвечает, не раздумывая:

– Десять месяцев.

Интересуюсь, бессонница ли вообще привела его ко мне. Улыбается, глядя в потолок. Обычно пациенты садятся в кресло, по крайней мере на первом посещении. Одна женщина сказала, что, представляя себя на кушетке, видит смехотворный персонаж комиксов из «Нью-Йоркера». Н. идет прямо к кушетке. Ложится и сплетает руки на груди.

– Мы ведь оба знаем ответ, доктор Бонсан, – неожиданно выдает он.

Прошу уточнить.

– Было бы дело только в мешках под глазами, я бы обратился к пластическому хирургу или к своему терапевту, который, кстати, вас и порекомендовал; вы, говорит, один из лучших специалистов. Так вот, у него бы я попросил что-нибудь посильнее амбиена или таблеток с зеленым мотыльком. Ведь должны быть и посильнее, да, доктор?

Оставляю без комментария.

– Я так понимаю, что бессонница – всегда симптом чего-то другого.

Отвечаю, что не всегда, хотя в большинстве случаев это правда. И добавляю, что, если есть еще какая-то причина, бессонница редко бывает единственным симптомом.

– Ну конечно, у меня есть и другие, – отвечает. – Целая куча симптомов. Обратите внимание, например, на мою обувь.

Обращаю внимание на его обувь. Тяжелые шнурованные ботинки. Причем на левом – узел сверху, а на правом – снизу. Сообщаю, что все это крайне

занимательно.

– Да, – соглашается, – в мои школьные годы девочка завязывала кеды снизу, если встречалась с мальчиком, ну или если какой-то мальчик ей нравился, и она хотела с ним встречаться. Так было принято.

Спрашиваю, не встречается ли он с кем-то. Думаю, может, это хоть чуть-чуть разрядит обстановку – по движениям видно, он очень напряжен. Костяшки пальцев сплетенных рук побелели, словно Н. боится, что те улетят, если не приложить усилий и не удержать их. Пациент не смеется. Даже не улыбается.

– Я немного староват для девушек; это пройденный этап моей жизни. Правда, я тоже кое-чего хочу. – Молчит, раздумывая. – Я пробовал завязывать оба шнурка внизу. Не помогло. А вот когда один сверху, другой – снизу, помогает. – Он высвобождает правое запястье из мертвой хватки левого и поднимает правую руку. Большой палец почти касается указательного: – Вот настолечко.

Спрашиваю, чего же он хочет.

– Вернуть утраченный рассудок. Пытаться вернуть его при помощи завязывания шнурков согласно правилам тайных знаков средней школы… пусть даже и подогнав их под нынешнюю ситуацию… вряд ли это можно назвать признаком психического здоровья, вы не находите? Психи должны обращаться за помощью. Если у них, конечно, осталась хоть капля здравого смысла. А я тщусь надеждой, что у меня она осталась. Вот потому-то я и пришел.

Опять сплетает руки и смотрит на меня с вызовом и испугом. А еще, по-моему, с облегчением. Воображаю, как Н. не спал ночами, пытался представить, что произойдет, когда он признается психиатру в своих опасениях. И вот он все рассказал, а я не выбежал с визгом из комнаты и не вызвал людей в белых халатах. Некоторые пациенты всерьез считают, что тут за дверью затаилась целая дружина в белых халатах, вооруженная сачками и смирительными рубашками.

Прошу Н. объяснить, в чем, по его мнению, проявляется его психическое расстройство; тот лишь пожимает плечами.

– Да примеров-то полно. Как обычно ведут себя люди с навязчивым неврозом? Вы слышали такие истории сотни раз. Я пришел сюда, чтобы разобраться с причиной. С тем, что случилось в августе прошлого года. Я подумал, может, вы гипнозом выбьете эти воспоминания.

Он смотрит с надеждой, а я объясняю, что, хотя нет ничего невозможного, гипноз действует значительно лучше как помощь в воспоминаниях, нежели как способ их утратить.

– Ясно, – отвечает он. – Не знал об этом. Вот черт.

Он вновь смотрит на потолок. По лицу видно, силится что-то сказать. Или это уже мое воображение разыгралось?

– Это ведь, знаете ли, может здорово навредить. – Он замолкает на мгновение. Лицевые мышцы продолжают двигаться. – То, что со мной происходит, может здорово навредить. – Он вновь замолкает и продолжает: – Мне. – Снова пауза. – Может, даже другим.

Каждый сеанс терапии – это бесконечный выбор решений. Словно развилки, разбегающиеся дороги, и никаких знаков. Здесь можно было бы спросить, что «с ним происходит». Я не задаю этого вопроса. Зато спрашиваю, о каких «примерах» идет речь – помимо по-разному завязанных шнурков, что, конечно, прекрасный пример (этого я вслух не говорю).

– Да вы и сами знаете, – говорит он и хитро так на меня смотрит, отчего становится неуютно.

Стараюсь не выдавать себя: он не первый пациент, который вызывает у меня дискомфорт. Психиатры – как спелеологи, а любой спелеолог вам скажет, что темные пещеры всегда полны летучих мышей и насекомых. Гадких, хотя в основном безвредных.

Настойчиво прошу просветить меня и не забывать, что мы только-только знакомимся.

– То есть пока еще не «встречаемся»?

Пока нет, соглашаюсь я.

– Ну, тогда нам лучше начать встречаться, – говорит он, – потому что я в желтой зоне, доктор Бонсан. И уже на границе с красной.

Спрашиваю, нет ли у него привычки все пересчитывать.

– Конечно, есть, – отвечает. – Пересчитываю слова в кроссвордах в «Нью-Йорк таймс»… а по воскресеньям пересчитываю дважды, потому что кроссворды больше, и перепроверка все выравнивает. И вообще, перепроверка необходима. Считаю свои собственные шаги. Количество гудков в телефонной рубке, когда кому-нибудь звоню. Обычно я хожу обедать в «Колониал дайнер», это в трех кварталах от офиса, а по дороге пересчитываю обувь черного цвета. На обратном пути – коричневую обувь. Я как-то раз попробовал считать красную. Пустое занятие, лишь время потратил. Только женщины носят красные туфли, да и то не все подряд. Во всяком случае, не днем. Я насчитал всего три пары, поэтому пришлось возвращаться к «Колониал дайнер» и начинать сначала; правда, на сей раз я считал коричневую обувь.

Спрашиваю, надо ли, чтоб успокоиться, насчитать какое-то определенное количество обуви.

– Тридцать – вполне достаточно. Пятнадцать пар. Как правило, удается.

А зачем требуется определенное число?

Некоторое время он размышляет, потом храбро смотрит мне в глаза:

– Вот я сейчас отвечу: «Вы и так знаете», и опять потребуется объяснять прописные истины. В смысле, вы с неврозом навязчивых состояний наверняка имели дело и раньше; я по нему тоже целое исследование провел – исчерпывающее! – и в голове, и в Интернете, поэтому не перейти ли нам к сути дела?

Я объясняю, что большинство невротиков стремятся к некой конкретной цифре, называемой «целевым числом». Без него нет порядка. Целевое число необходимо, чтобы мир, так сказать, продолжал вращаться на своей оси. Видно,

что он согласен с таким объяснением, и его прорывает, словно обрушивается плотина:

– Однажды я считал обувь по дороге на работу и натолкнулся на человека с ногой, ампутированной до колена. Он стоял на костылях, а на культе торчал носок. Будь на нем черная обувь, я прошел бы мимо, потому что я возвращался в офис. На нем был коричневый ботинок, и это выбило меня из колеи на целый день. Той ночью я так и не заснул. Потому что нечетные числа злы, – он постукивает себя ладонью по виску, – по крайней мере здесь. Остатки разума пытаются убедить меня, что все это чушь собачья. Зато есть и другая часть сознания, которая четко знает, что это не чушь. Эта часть и правит бал в моей голове. Логично предположить, что если в тот день не произошло ничего плохого (а кстати, произошло кое-что замечательное – без объяснений отменили налоговую проверку, которая нас так беспокоила), то примета не сбылась и злые чары рухнули. Нет, ничего не рухнуло. Я насчитал тридцать семь коричневых ботинок вместо тридцати восьми, и когда конец света не наступил, другое сознание подсказало: это все потому, что я не только переступил уровень тридцати, а еще и изрядно за него заступил.

Когда я загружаю посудомоечную машину, считаю тарелки. Если их больше десяти и четное количество, то все в порядке. Если нет, я добавляю сколько нужно чистых тарелок, чтобы достичь порядка. Так же обстоит с вилками и ложками. В пластиковом контейнере перед посудомоечной машиной должно лежать по меньшей мере двенадцать предметов. А поскольку я живу один, это значит, что приходится добавлять чистые.

Спрашиваю про ножи, он отрицательно качает головой.

– Нет-нет. Ножи в посудомоечную машину я не кладу.

Спрашиваю, почему нет, и он отвечает, что не знает. Молчит и смотрит искоса, виновато.

– Ножи я мою только руками. В раковине.

Высказываю предположение, что ножи в пластиковом контейнере нарушат порядок в мире.

– Да нет же! – взрывается он. – Вы понимаете меня, доктор Бонсан, правда, не все понимаете.

Прошу помочь мне понять.

– Порядок в мире уже нарушен. Я нарушил его прошлым летом, когда попал на поле Аккермана. Только я не понимал этого. Тогда не понимал.

– Ну а теперь? – спрашиваю я.

– Понимаю. Не все; но, думаю, достаточно.

Спрашиваю, пытается ли он вернуть порядок или только не дать ситуации ухудшиться.

Какое невыразимое облегчение появляется у него на лице, расслабляя мышцы. Словно что-то невысказанное раздирало изнутри, просилось наружу, и вот наконец-то произнесено! Я живу ради таких минут. Нет, болезнь от этого не отступит, зато на какое-то время Н. будет легче дышать. Вряд ли он ожидал такого поворота. Обычно пациенты не верят в то, что боль может отступить.

– Исправить я ничего не могу, – шепчет он. – Я могу немного сдержать их… Да, до сих пор получалось.

Вот мы и опять на развилке. Можно спросить его, что случилось прошлым летом – в августе прошлого года, как я понимаю – на поле Аккермана; хорошо подумав, говорю себе, что пока рано. Лучше не буду торопиться и расшатаю корни больного зуба посильнее. Скорее всего эта зараза мучает его дольше, чем кажется. То, что произошло прошлым летом, вероятно, лишь привело механизм в действие.

Спрашиваю о других симптомах. Он смеется в ответ:

– На это уйдет целый день, а у нас осталось… – смотрит на часы, – двадцать две минуты. Кстати, двадцать два – хорошее число.

– Не потому ли, что оно четное? – спрашиваю я.

Он кивает так, что становится ясно: я трачу время на очевидное.

– Мои… мои симптомы, как вы их называете, можно разбить на группы, – поднимает глаза к потолку, – на три группы. Они рвут меня, раздирают мне душу и пронзают ее… Боже мой, боже… пронзают и торчат, как эти сволочные камни на сволочном поле.

Слезы струятся по щекам. Поначалу он, похоже, и не замечает. Просто лежит на кушетке, сплетя пальцы, и смотрит в потолок. Затем протягивает руку к столику рядом, на котором высится Бесконечный Запас Салфеток в коробке. Н. берет две, вытирает щеки, комкает салфетку. Та исчезает в сплетении пальцев.

– Есть три группы, – продолжает он слегка дрожащим голосом. – Счет – это первая группа. Считать важно, хотя и не так важно, как трогать. Есть вещи, которых мне необходимо коснуться. Например, горелки на плите. Без этого я не выйду из дома утром и не лягу спать вечером. Я могу и на вид определить, что они выключены, рукоятки смотрят вертикально вверх, горелки холодно-черные. Нужно потрогать – ведь необходимо удостовериться. Ну и, конечно, нужно потрогать дверцу духового шкафа. Затем я должен потрогать выключатели света, прежде чем выйти с работы или из дома. Вроде мелочь, однако я не отойду от выключателя, не шлепнув его дважды. Прежде чем сесть в машину, я должен четыре раза шлепнуть по крыше. И шесть раз, когда добираюсь до места назначения. Четыре – хорошее число, шесть – просто здорово, а вот десять… десять – это как…

Он не вытер одну дорожку, оставленную слезой. Та пролегла зигзагом от уголка глаза до мочки уха.

– Как встречаться с девушкой своей мечты? – подсказываю я.

Он улыбается приятной усталой улыбкой; улыбкой, которая все реже и реже встает с ним из постели.

– Точно, – соглашается он, – и шнурки ее кед завязаны снизу, чтобы все об этом знали.

Трогает ли он что-нибудь еще? Я спрашиваю, уже зная ответ. Уж я-то повидал людей, подобных Н., за пять лет практики. В моем воображении эти несчастные – словно жертвы хищных птиц, которые неотрывно их клюют. Птицы эти невидимы для жертв – во всяком случае, пока психиатр (хороший или просто удачливый, а желательно и хороший, и удачливый) не брызнет на их крылья каким-то своим, специальным люминолом и не выставит их на свет. Птицы невидимы, зато такие же настоящие, как и их жертвы. Совсем уж чудом кажется то, что многие невротики умудряются жить нормальной жизнью, несмотря ни на что. Они работают, едят (правда, часто недостаточно или, напротив, слишком много), ходят в кино, занимаются любовью со своими женщинами или мужчинами, женами и мужьями. И все время птицы сидят, вцепившись когтями, и клюют, выдирая кусочки плоти.

– Мне приходится много чего трогать. – И вновь взгляд с усталой приятной улыбкой обращен в потолок. – Проще назвать, чего я не трогаю.

Значит, говорю, хоть считать и важно, трогать важнее. Что же важнее прикосновения?

– Ставить на место, – отвечает он и внезапно начинает дрожать, прямо-таки трястись как пес, брошенный под холодным дождем. – Боже мой!..

Неожиданно он выпрямляется и садится на кушетке, спустив ноги на пол. На столике, рядом с Бесконечным Запасом Салфеток, стоит ваза с цветами. Быстрым движением Н. переставляет коробку и вазу так, что они образуют диагональ. Выхватив два тюльпана из вазы, укладывает их стеблем к стеблю – один цветок упирается в коробку с салфетками, а другой – в вазу.

– Так безопаснее. – Он выглядит неуверенным, потом кивает, словно в уме соглашается с тем, что так действительно безопаснее. – Для всего мира. – Н. вновь неуверен и заканчивает мысль: – Пока, на некоторое время.

Смотрю на часы. Время наше вышло, и, похоже, мы успели много для первого раза.

– Что ж, до встречи на следующей неделе, – говорю я. – Время и место для распугивания летучих мышей остается прежним.

Иногда я превращаю эту шутку в вопрос. В случае с Н. – нет. Он должен вернуться и прекрасно это знает.

– Значит, никаких волшебных пилюль? – спрашивает он.

На сей раз улыбка такая грустная, что нет сил смотреть ему в глаза.

Говорю, что вообще-то должно полегчать – немного позитива никогда не повредит, вам скажет так любой психиатр. Затем советую выбросить весь амбиен и «таблетки с зеленым мотыльком» – я так понимаю, лунесту. Если от них нет толку ночью, то днем они могут лишь навредить. Заснуть за рулем на скоростном шоссе – вряд ли лучший способ решить проблему.

– Согласен, – говорит он. – Доктор, а ведь мы так и не касались причины всего этого. Я ведь знаю, в чем дело…

Убеждаю его, что на следующей неделе мы обязательно об этом поговорим. А пока прошу Н. завести таблицу, поделенную на три части, куда он будет заносить все, что считает, трогает и расставляет по местам. Согласен ли он вести такие записи?

– Да!

Спрашиваю, как бы между прочим, не появлялось ли у него мыслей о самоубийстве.

– Думал, конечно. Нет, у меня так много дел.

Ответ интересный, правда, нельзя сказать, что успокаивающий.

Протягиваю свою карточку и прошу звонить в любое время дня, если опять появятся мысли о самоубийстве. Обещает последовать совету. Честно говоря, они все обещают.

– Ну а пока, – говорю уже в дверях и кладу руку на плечо, – если вы ни с кем не встречаетесь, пусть вашей лучшей подружкой станет жизнь.

Бледный и неулыбающийся, Н. смотрит мне в глаза. А передо мной – невидимые птицы, рвущие его на куски.

– Вам не попадалась книга «Великий бог Пан» Артура Мейчена?

Отрицательно качаю головой.

– Это самое жуткое, что можно вообще написать, – поясняет он. – Один из героев там говорит: «Страсть всегда побеждает». На самом деле он говорит не о страсти. Он говорит об одержимости.

Гм… Прописать флуоксетин или пароксетин? Наверно, флуоксетин. Не стоит спешить, надо получше разобраться с проблемами этого интересного пациента.

7 июня 2007

14 июня 2007

28 июня 2007

На следующую встречу Н. приносит «домашнюю работу»; впрочем, ничего другого я и не ожидал. В этом мире полно преходящего; да и вообще, ничто не вечно под луной. Зато невротик с навязчивым состоянием – если только не помер! – почти всегда доводит дело до конца.

С одной стороны, на его таблицы не взглянешь без смеха; с другой – без слез. Я, откровенно говоря, пришел в ужас. Н. – бухгалтер, и я нисколько не сомневаюсь, что он воспользовался одной из программ бухучета, чтобы заполнить папку, которую я теперь держу в руках. В папке – огромные крупноформатные таблицы. Только вот вместо инвестиционных программ и потока дохода эти таблицы во всех подробностях расписывают невроз Н. во всей его сложности и многогранности. Первые две таблицы озаглавлены «СЧЕТ», две следующие – «КОНТАКТ», и, наконец, шесть последних «ВЫРАВНИВАНИЕ».

Перелистывая таблицы, я диву даюсь, как он находит время на что-либо еще. Хотя знаю, что для настоящего невротика нет ничего невозможного. Вновь приходят на ум невидимые птицы – так и вижу, как он уселись на голове Н., на его плечах и клюют, рвут окровавленную плоть.

Поднимаю взгляд. Н. уже устроился на кушетке, как и в первый раз сплел пальцы на груди. Он уже переставил вазу и коробку с салфетками на столе, соединив их в диагональ. Цветы сегодня – белые лилии. Глядя на этот «натюрморт», невольно видишь похоронную процессию.

– Можно они так полежат? – спрашивает. Вроде извиняясь, и в то же время настойчиво, с нажимом. – Иначе я не смогу говорить.

Отвечаю, что у меня и в мыслях не было мешать его «дизайну». Хвалю за то, как грамотно и профессионально он составил таблицы. Безразлично пожимает плечами в ответ. Затем спрашиваю, собраны ли в таблицах наблюдения только за прошедшую неделю, или это полный обзор.

– Это все только за последнюю неделю, – отвечает Н. безэмоционально, словно ему и дела никакого нет.

Да так оно и есть – человеку, которого насмерть заклевывают птицы, плевать на прошлогодние обиды и печали. Впрочем, как и на те, что стряслись на прошлой неделе – ему вполне хватает мыслей о дне насущном. И – если будет на то воля Господня – завтрашнем.

– Ого! Здесь две-три тысячи описанных событий.

– Я называю их «факты учета». Шестьсот четыре факта учета счета, восемьсот семьдесят восемь – контакта и две тысячи двести сорок шесть – размещения. Обратите внимание, только четные числа. В сумме – три тысячи семьсот двадцать восемь. А если сложить отдельные составляющие этого числа – 3-7-2-8, – получится двадцать. Тоже четное и хорошее число. – Кивнув, словно в подтверждение, продолжает: – Разделите три тысячи семьсот двадцать восемь на два, и получите тысячу восемьсот шестьдесят четыре. Если сложить 1-8-6-4 получается девятнадцать, очень сильное нечетное число. Сильное и злое.

Вижу, как он дрожит.

– Вы, наверное, очень устали, – говорю.

Он не говорит ни слова, даже не кивает, хотя ответ я все-таки получаю. Слезы текут по щекам к ушам. Мне печально добавлять груза на его плечи, однако не могу не признать: если мы сейчас же не начнем работу и не перестанем «придуриваться», как выражается «Сестра Шейла», моя сестренка, он вообще не сможет работать. Я уже вижу, насколько он сдал внешне – рубашка помята, побрит неаккуратно, стрижку надо бы освежить. Знаю, если спросить о нем коллег по работе, увидишь, как они воровато и многозначительно переглядываются. Его таблицы – по-своему произведения искусства, только вот сил у их творца совсем не осталось. Ясное дело, у нас не осталось выбора, кроме как побыстрее добраться до сути дела, иначе ни флуоксетина, ни пароксетина, ничего другого ему не видать.

Спрашиваю, не расскажет ли он мне, что же такого случилось в августе прошлого года.

– Расскажу, я за этим сюда и пришел. – Он набирает салфеток из Бесконечного Запаса и вытирает щеки. Устало спрашивает: – А вот готовы ли вы выслушать, доктор?

В жизни не слышал такого вопроса от пациента. И такого вынужденного, снисходительного сочувствия в голосе никогда не слышал. Готов, говорю, начинайте. Помочь ему – моя работа. Чтобы я с ней справился, Н. должен захотеть помочь себе сам.

– Даже если вы заболеете, как и я? Помните, это не исключено. Мне уже не помочь, хотя надеюсь, что еще не докатился до состояния полной паники, чтобы захотеть утащить с собой того, кто меня спасает.

– Боюсь, я вас не полностью понимаю, – говорю я.

– Раз я здесь, вся эта гадость может обернуться лишь плодом моего воображения. – Н. стучит костяшками пальцев по виску, словно я могу не понять, где хранятся плоды его воображения. – А что, если нет? Я ведь точно не знаю. Тогда мне уже не помочь, вот что я имею в виду. Если я не псих, если то, что я видел и чувствовал на поле Аккермана, существует, тогда я подцепил что-то

вроде заразы. А значит, и вы можете ее подхватить.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

N. // © Перевод. С. Лобанов, 2010

Купить: https://tellnovel.com/stiven-king/n

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити